

Книжная полка

УДК 327(4):930

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-202-214

«Славянский фактор»
в истории международных отношений
в Европе XIX–XX вв.: историография вопроса

Роман А. Клочков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ketridze@mail.ru*

Для цитирования: Клочков Р.А. «Славянский фактор» в истории международных отношений в Европе XIX–XX вв.: историография вопроса // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2024. № 6. С. 202–214. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-202-214

The “Slavic factor”
in the history of international relations
in Europe in the 19th – 20th centuries:
historiography of the issue

Roman A. Klochkov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
ketridze@mail.ru*

*For citation: Klochkov, R.A. (2024), “The ‘Slavic factor’ in the history of international relations in Europe in the 19th – 20th centuries: historiography of the issue”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 6, pp. 202–214, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-6-202-214*

Введение

«Славянской идее» присуща одна особенность: переживая на разных этапах своего развития периоды надлома и упадка, эта идея все же не канула в небытие, находя отклик в сложные моменты истории. Зародившись в начале XIX в., она продолжает развиваться

© Клочков Р.А., 2024

и периодически обновляться в интеллектуальных кругах и современной политической мысли. Обратившись к историческим примерам, мы увидим, что тяжелые испытания и кризисные процессы порой подталкивали представителей самых разных политико-идеологических направлений к размышлениям о возможности (или необходимости) использования идеологии славянского единства для решения определенных насущных задач, стоявших перед славянскими национальными движениями и национальными государствами. Можно вспомнить, например, проявленную правительством СССР инициативу облечь советскую политику в цвета славянского движения в годы Второй мировой войны [Досталь 2000; Зайцев 2022]. Однако неоднократно предпринимавшиеся попытки организовать «славянские движения» с целью если не объединить, то хотя бы сблизить цели и интересы этих движений или государств, зачастую наталкивались на препятствия в виде существовавших противоречий во взаимоотношениях между самими славянскими народами прежде всего. Помимо религиозно-конфессиональных расхождений, а также присущих каждому народу сугубо национальных интересов, их разделяло и различное видение политических проблем [Волков 2005, с. 6].

«Славянская идея» никогда не принимала форму универсальной и целостной концепции. Ее содержание менялось, время от времени принимая в воззрениях тех или иных интеллектуалов и политиков в зависимости от их политико-идеологических предпочтений различные формы. При этом могли учитываться национальные и региональные особенности развития славянских народов (австрославизм, югославизм, чехословакизм) [Павленко 1998; Романенко 1998; Bakke 2004].

В данном историографическом обзоре мы рассмотрим исследования российских и зарубежных ученых, посвященные истории славянской идеи (идеологии), опубликованные в начале 2020-х гг. Это книга российского специалиста в области международных отношений, истории славянской геополитики и российско-австрийских взаимоотношений Ольги Вячеславовны Павленко, публикации исследователя «нового славянского движения» Александра Вячеславовича Зайцева и труд словенского историка и дипломата Андрея Бенедейчича. Эти монографии и статьи являются продолжением дискуссий о сути и роли в международных отношениях в Центрально-Восточной, Юго-Восточной и Восточной Европе славянского фактора и «славянской идеи», начатых историками, политическими аналитиками и публицистами еще в позапрошлом веке. Это позволяет авторам предоставить читателю пищу для размышлений в контексте развития современных этнополитических

процессов и восполнить имеющиеся в историографии международных отношений пробелы в изучении феномена славянского самосознания, его роли в процессе выстраивания отношений между субъектами мировой политики в разные периоды европейской истории.

Заметим также, что факт появления труда исследователя из Словении, человека с дипломатическим опытом, показывает, что процесс самоидентификации и поиска коллективной идентичности в интеллектуальном пространстве «славянского мира» продолжается. А обращение к прошлому служит потребности в более глубоком понимании динамики отношений между Россией и сегодняшним славянским миром в контексте международной политики.

Вышеназванные исследования относятся к новому этапу изучения общеславянской проблематики, начавшемуся ко второй половине 1990-х гг., когда журнал «Славяноведение» предложил своим читателям серию статей, посвященных различным национальным вариантам [Павленко 1998; Романенко 1998; Фрейдзон 1979]. Эти статьи стали для их авторов первыми шагами к написанию монографий [Павленко 2023; Романенко 2002].

Анализ содержания исследований

Несмотря на различия в исследовательских ракурсах, выборе объектно-предметного поля и хронологических рамок, можно сказать, что рассматриваемые работы сближает общая проблематика, а именно проблема различных национальных, региональных и политико-идеологических разновидностей славянской идеологии («славизмов») как фактора развития межгосударственных отношений. В задачи данного обзора входит рассмотрение не всех, но наиболее значимых, пересекающихся в исследованиях указанных авторов вопросов.

О.В. Павленко и А. Бенедейчич подошли к проблеме возникновения и последующей эволюции «славянской идеи» как составной части сложного процесса становления национальной (и наднациональной) идентичности России и славянских народов (впоследствии государств) Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы. В центре внимания А.В. Зайцева находится история включения «славянского элемента» в советскую внешнюю политику и идеологию, осуществления «славянской политики» СССР в отношении государств ЦВ и ЮВЕ – организации «нового славянского движения», как хронологически последнего «в ряду политических

движений XIX–XX вв., направленных на сближение славянских народов» [Зайцев 2022, с. 3].

Обратившись к историческому опыту взаимоотношений двух империй, России и Австрии, О.В. Павленко сосредотачивает внимание на исследовании форм коллективной идентичности славянских народов в рамках имперских пространств первой половины и середины XIX в. Исследовательница ставит целью проанализировать роль славянского фактора в контексте российско-австрийских отношений с 1830-х по 1860-е гг. В качестве основополагающего события, обосновывающего нижнюю границу хронологических рамок книги, исследовательница отмечает момент появления трактата Яна Коллара «О славянской взаимности» (1836 г.), «который впервые поставил проблему славянской идентичности малых народов Австрийской империи» [Павленко 2023, с. 18]. Верхняя граница исследования связана с проведением Славянского съезда 1867 г., важной вехи в истории взаимоотношений российского общества с зарубежными славянами. В свою очередь, события, пролегающие в рамках выбранной автором хронологии, явили собой «кардинальные сдвиги не только в российско-австрийских контактах, но и в международной системе в целом» [Павленко 2023, с. 18].

Проблематика исследования А.В. Зайцева, связанная с предыдущими этапами развития славянского движения и его идеологии, охватывает период возникновения и развития так называемого «нового славянского движения» в 1941–1953 гг. Начало Великой Отечественной войны рассматривается исследователем как событие, «резко изменившее внешнеполитические концепции СССР и сделавшее возможным обращение к политике славянского братства» [Зайцев 2022, с. 5]. Смерть И.В. Сталина в 1953 г. и последовавшее изменение внешнеполитического курса СССР привели к заморозке дальнейшей деятельности «нового славянского движения».

А.В. Зайцев, в частности, обратил свое внимание на факт участия создававшихся в разных странах Славянских комитетов в миротворческом движении в конце 1940-х и 1950-е гг., даже в то время, когда на фоне разразившегося конфликта И.В. Сталина и И. Броз Тито, об успешности общеславянских мероприятий можно было только мечтать. Исследователь подчеркивает, что «непримиримая позиция СССР и его сторонников в эмиграции, не допуская нейтрального отношения к конфликту, способствовала распаду славянских организаций диаспоры» [Зайцев 2021, с. 39].

В контексте деятельности «нового славянского движения» в США в конце 1940-х гг. исследователь, на основе обширного материала архивных документов, отметил любопытные сведения о работе Американского Славянского конгресса как общественной ор-

ганизации, целью которой было объединение славян левой политической ориентации. «Славянская идея» на рубеже 1940–1950-х гг., в рамках «нового славянского движения», как мы можем видеть в выводах работ А.В. Зайцева, пополнилась новым содержанием. В качестве ее отличительной особенности можно назвать добавление к идеологии славянского единства компонента «пролетарского интернационализма». Также учитывались опасения (после 1945 г.) перед возможным возрождением Германии и германским реваншизмом, стремление через славянские организации установить связь с рабочими движениями в разных странах, а с 1949 г. также лозунги борьбы за мир и прекращения вспыхивавших конфликтов [Зайцев 2020, с. 106–107].

Вопросы, поднимаемые во введении книги А. Бенедейчича, показывают, что исследовательский интерес автора подогревается интересом практическим и, что называется, профессиональным дипломатическим интересом. Один из центральных вопросов, которым задается словенский исследователь: «отражает ли специфика развития российской внешней политики после распада СССР “славянскую составляющую” российской дипломатии в ее отношениях с Западом, который, в процессе своего расширения, также приобрел характерный славянский компонент?» [Benedejčič 2021, s. 24]. В поисках ответа на него исследователь рассматривает истоки славянской идеи, ее эволюцию во времени, затронув непосредственно историю развития концепций «славянского сотрудничества» (“Slavic cooperation”) в рамках отношений между государствами.

Хронологические рамки труда А. Бенедейчича достаточно широки. Они охватывают период с XIX в. до современности. Ввиду этой временной широты исследователь вынужден был сузить пространственные границы своего исследования, сделав акцент на развитии славянской идеи в России, Словении и Польше, посвятив им отдельные главы своей книги. Данная выборка обусловлена, по всей видимости, стремлением автора проанализировать наиболее показательные примеры трансформации славянской идеи среди интеллигенции и политических деятелей, с одной стороны, близкой исследователю родной Словении и ее исторического прошлого, а с другой стороны, Польши ввиду ее непростых и неоднозначных отношений с Россией, являвшихся одним из «камней преткновения» в процессе развития «славянского вопроса». По своей задумке труд словенского исследователя предполагает определенную цель: раскрыть «славянское измерение» внутренних механизмов и правил поведения, регулирующих политические и культурные связи России со своими «славянскими партнерами». Изучение

«славянского фактора», по мнению автора, ускользнуло от глаз многих специалистов-международников.

Тему истории развития славянской идеи и составляющих ее (но не тождественных друг другу) понятий, таких как славянская взаимность, славянофильство, панславизм, можно отнести к тому ряду тем историографии, осмысление которых подвержено влиянию изменений внутриполитической конъюнктуры, международных процессов, травм исторической памяти. Колебания настроений среди представителей политических элит, мыслителей и публицистов оказывали (и продолжают оказывать) непосредственное влияние на формирование устоявшихся образов и представлений в исторических работах. Еще отечественные основоположники славистики как научной дисциплины (А.Н. Пыпин, К.Я. Грот, А.А. Кочубинский) отметили глубокую связь развития славянских исследований с «генезисом национального сознания» [Исламов 1996, с. 21].

Изучение проблематики феномена славянства ставит исследователя перед необходимостью учитывать проблему эволюции смыслового содержания понятий и терминов с течением времени. На связанные с этим сложности изучения рассматриваемой темы обращает внимание О.В. Павленко, подчеркивая необходимость внимательного и скрупулезного анализа понятий и терминов, связанных с проблемой. Так, исследовательница обращает внимание на то, что полное отождествление таких понятий, как панславизм и панрусизм, «приводит к еще большей терминологической путанице и подмене смыслов» [Павленко 2023, с. 16].

Работа О.В. Павленко сопровождается глубоким анализом дискуссионных вопросов, присущих историографии рассматриваемой проблемы. Исследовательница показывает, в частности, тенденциозность сложившихся как в отечественной, советской, так и в зарубежной историографии взглядов на феномен панславизма и конкретно на проблематику сложного и неоднозначного отношения австрийских славян к монархии Габсбургов и России. Если на историографию межвоенного периода оказывали свое влияние последствия послевоенных синдромов и распада прежних империй, то особенно заметным в годы холодной войны стало влияние в историографии идеологического противостояния в рамках складывавшегося биполярного мира. Многие годы для советской историографии было характерно соблюдение схем, обусловленных идеологическими штампами. Это, например, представление о монархии Габсбургов как «тюрьме народов», в связи с которым долгое время не выходили комплексные работы, анализировавшие роль фактора общегосударственного пространства для народов ЦВ и ЮВЕ [Павленко 2023, с. 79]. В то же время О.В. Павленко

отмечены новые тенденции в исследованиях последних лет. Они позволяют с иных ракурсов взглянуть на проблему, сфокусировать внимание на ранее не учитываемых аспектах.

А. Бенедейчич изучил широкий круг историографических работ предшественников, посвященных различным аспектам развития международных отношений, и пришел к выводу, что во многих из них «славянский фактор» либо признавался малозначительным, либо не рассматривался вовсе [Benedejčič 2021, s. 57–58]. Он также не обошел вниманием проблему становления идеологически окрашенных образов и представлений в историографии. Так словенский исследователь ссылается на публикации корифея советской исторической науки наиболее раннего этапа ее развития М.Н. Покровского, утвердившего тезис о «реакционном» панславизме как инструменте империализма [Benedejčič 2021, s. 147].

Отдельно необходимо обратиться к теоретико-методологическим основам рассматриваемых работ, в особенности О.В. Павленко и А. Бенедейчича. Они пришли к мнению о необходимости дополнить исследовательские подходы и концепции предшественников, возникшие под влиянием господствовавшей долгое время в теории международных отношений парадигмы реализма и неореализма. Сторонники «реальной политики» акцентируют свое внимание на таких факторах, как неизменные национальные интересы и государственная мощь, которые закономерно приводят, в конечном итоге, к соперничеству на международной арене и «бесконечной борьбе» государств друг с другом в условиях анархии [Waltz 1979]. Однако, как заметила О.В. Павленко, такой подход «не объясняет действие глубинных механизмов взаимовлияний между великими, региональными и малыми державами» [Павленко 2023, с. 19]. Помимо применения классических методов исторического исследования, расширить возможности исследовательского инструментария может методология конструктивизма.

Конструктивистский подход, применяемый О.В. Павленко и А. Бенедейчичем, предполагает включение нового понятия в объяснительную модель исследования, а именно понятия коллективной *идентичности* акторов международных отношений – государств, помогающего осмыслить логику восприятия Себя и Других.

При этом российская исследовательница подчеркивает важность дополнения конструктивистской методологии основательным анализом источников. В противном же случае, пишет О.В. Павленко, «теоретическое конструирование дискурсов и контентом таит опасность умозрительных схем», которые попросту могут не выдержать проверки фактическими знаниями [Павленко 2023, с. 20].

А. Бенедейчич обосновывает применение конструктивистской методологии, обращаясь к теоретическим положениям концепции И. Нойманна [Benedejčič 2021, s. 423]. Опираясь на работы норвежского ученого, Бенедейчич вывел свою «стратегию» исследования применительно к выбранной им проблематике: применение подхода социального конструктивизма предполагает обращение к конкретным социально-культурным и политическим практикам государств, а также «анализ взаимозависимости и развития исторически связанных идентичностей и сформировавшихся представлений» [Benedejčič 2021, s. 19]. Таким образом, процесс формирования национальной идентичности общества связывается с интерпретацией этим обществом собственной истории. Так складываются определенные образы, стереотипы, взгляды и концепции, формирующие коллективную память [Benedejčič 2021, s. 41].

Постановка проблематики и задач в каждом из рассматриваемых нами исследований коррелирует с анализом понятийно-терминологического аппарата (связанного, в первую очередь, с определениями вариантов славянской идеи) как неотъемлемой части изучаемой эпохи.

А. Бенедейчич и О.В. Павленко сосредоточили свое внимание на проблеме становления славянского самосознания среди народов Австрийской империи в середине XIX в. Так, исследование О.В. Павленко, следуя выбранному объектно-предметному полю, весьма углубленно прослеживает судьбу формирования чешской нации, тех явлений, что были для нее характерны. Последовавшие за 1848 г. революционные события на территории империи Габсбургов «впервые высветили глубинные процессы распада протонациональной богемской общности», заключает О.В. Павленко [Павленко 2023, с. 169]. Возникшая альтернатива принятия выбора своей самоидентификации, признание себя либо «чехом», либо «немцем», носила зачастую идейно-политический подтекст и не касалась строго этнической принадлежности [Павленко 2023, с. 169].

Рассматривая историю развития австрославизма и неудачи этого проекта, А. Бенедейчич в основном подчеркивает, что австрославистская концепция в размышлениях Ф. Палацкого, «при всей своей разумности и обоснованности» [Benedejčič 2021, s. 70], все же «не нашла понимания ни у либеральных организаторов Франкфуртского парламента, ни у имперских властей в Вене» [Benedejčič 2021, s. 435]. Рассматривая, прежде всего, фигуру Ф. Палацкого как основоположника австрославизма, словенский исследователь в меньшей степени уделяет внимание теоретическому наследию публицистических работ К. Гавличека-Боровского, значение которого показано О.В. Павленко.

Развить мысль А. Бенедейчича о перспективах австрославизма могут результаты исследования О.В. Павленко. Она продолжила разрабатывать мысль о специфике австрославизма с точки зрения анализа его ключевых положений. В ее выводах мы видим, что австрославизм как политический проект был маловероятен еще и потому, что «не было найдено оптимального ответа на вопрос, какие из славянских народов имеют право считаться “национально-политическими индивидуальностями” и претендовать на автономный статус, а какие – нет» [Павленко 2023, с. 173].

Продолжая сравнительный обзор проблематики работ О.В. Павленко и А. Бенедейчича, необходимо обратить внимание на проблему российско-польских отношений в контексте развития «славянского вопроса», проходящую красной нитью через историю межславянских взаимоотношений. «Польское восстание 1863 года, – пишет исследователь, – стало одновременно и вехой периода разделенной Польши, и важным событием в истории Российской империи. Оно стало последней попыткой восстановить многонациональное польско-литовское государство на демократических основах. Однако ее последствия имели совершенно иной эффект, поскольку в итоге она в значительной степени способствовала росту узкого этноцентризма во всем регионе» [Benedejčič 2021, s. 217]. В то же время любопытен тот факт, что некоторые польские интеллектуалы, такие как Станислав Сташиц, продолжали «сознательно демонстрировать свою “славянскость” в первой половине XIX в. вследствие разочарования реакцией Запада на разделы Польши» и продолжали подчеркивать значимость славянства даже после неудачного восстания 1830–1831 гг. [Benedejčič 2021, s. 445].

Характеризуя вторую половину XIX в., А. Бенедейчич приходит к выводу, что «польский вопрос и раскол между двумя крупнейшими славянскими народами, русскими и поляками, стали проблемой для других славян, особенно для чехов, среди которых зарождались зачатки неославизма» [Benedejčič 2021, s. 224]. Движение неославизма ученый определяет как новый этап славянского движения, перед которым ставилась задача разрешить «наболевшие проблемы» среди славян для достижения «более глубокого межславянского сотрудничества» [Benedejčič 2021, s. 224]. В свою очередь, Бенедейчич склонен рассматривать неославизм как продолжение австрославизма, стремившегося «обеспечить славянское равенство в пределах Австрии, в том числе за счет сближения с Россией, которая должна была стать главным союзником Дунайской монархии» [Benedejčič 2021, s. 224].

О.В. Павленко заостряет внимание на «польском вопросе» в контексте оказанного им влияния на настроения представителей

славянской общественности на Славянском съезде 1867 г., состоявшемся в России, заметив, что данный вопрос стал «вторым по значимости для русских организаторов» после вопроса о признании русского языка в качестве общеславянского [Павленко 2023, с. 317].

Раскрывая сущность развития «славянского фактора» в 1860-е гг., О.В. Павленко подчеркивает ключевое значение Крымской войны как переломного этапа для последующих российско-австрийских отношений. В это время панславизм начинает играть роль «нового инструмента отстаивания национальных интересов» России [Павленко 2023, с. 336]. При этом для наиболее глубокого понимания особенностей российской культурной стратегии второй половины XIX в. важно учитывать замечание исследовательницы о том, что в России начальный этап процесса либерализации 1860-х гг. «совпал с резким обострением взаимоотношений среди европейских великих держав» [Павленко 2023, с. 264].

Российское общество переосмысливало последствия поражения в Крымской войне. Одним из выходов из сложившейся ситуации становилось обращение к мысли о славянстве. Таким образом, О.В. Павленко подводит к выводу о сущности имперской модели панславизма как неотъемлемой части процесса поиска русской национальной идентичности. «Активное присвоение символического потенциала и кодов славянского мира, – пишет автор, – создавало особое пространство, которое одновременно имело компенсаторную функцию при восприятии враждебного Запада и создавало новую историческую перспективу великой империи» [Павленко 2023, с. 265].

В рамках конструктивистской схемы «Я – Другой», позволяющей углубиться в процесс восприятия народами Себя и внешних Других, Бенедейчич показывает, как польские и словенские интеллектуалы и политические деятели «периодически заново открывали свои славянские корни» через исторически обусловленные представления и образы. Эти образы актуализировались в моменты столкновения с «внешними вызовами». Так, период разочарования польской интеллигенции действиями и реакцией западноевропейских государств, прежде всего Франции, на положение разделенной Польши стал временем, когда славянская идея набрала особенную популярность [Benedejčič 2021, s. 445].

Успех славянской идеи в определенных национальных кругах, как это можно увидеть в работе словенского исследователя, зависел во многом от внутри- и внешнеполитической ситуации. Для словенцев стимулирующую роль в обращении к славянской идее, по мнению А. Бенедейчича, играл «страх перед германизацией и ита-

льянским наступлением с Запада», что также объясняет активную роль деятелей из Словении в неославистском движении в начале XX в. [Benedežič 2021, s. 445].

Заключение

На примере рассмотренных нами работ можно прийти к заключению, что сочетание новых методологических подходов, в рамках междисциплинарного исследования, в совокупности с привлечением источников разной видовой характеристики, а также обязательного соблюдения принципа строгого отношения к критике источника позволяет достичь наибольшей объективности в исследовании. В свою очередь, изучение истории славянской идеи как фактора международных отношений способствует лучшему пониманию сложных процессов, происходящих в международной политике, во взаимоотношениях между государствами ЦВ и ЮВЕ, а также их отношений с Россией. Несмотря на неоднозначное и зачастую наполненное противоречиями восприятие славянской идеологии, попытки обращения к общеславянскому сознанию как модели коллективной идентичности не только в научных работах, но и в рамках культурных проектов, а также в риторике некоторых современных представителей политических элит показывают актуальность рассматриваемого явления и необходимость его изучения.

Литература

- Волков 2005 – Волков В.К. Славянская идея и русское национальное самосознание // Межрегиональная конференция славистов: Российское славяноведение в начале XXI в.: задачи и перспективы развития: Материалы Всероссийского совещания славистов (23–24 октября 2003 г.). М.: Ин-т славяноведения РАН, 2005. 512 с.
- Досталь 2000 – Досталь М.Ю. «Новое славянское движение» в СССР и Всеславянский комитет во время Великой Отечественной войны // Славянский альманах – 1999. М.: Индрик, 2000. С. 175–188.
- Зайцев 2020 – Зайцев А.В. Американский Славянский конгресс: один из союзников СССР в борьбе за мир во времена холодной войны (1946–1951) // Новый исторический вестник. 2020. № 3 (65). С. 98–110.
- Зайцев 2021 – Зайцев А.В. Советско-югославский конфликт и его последствия для организаций славянских эмигрантов (1948–1956 гг.) // Новый исторический вестник. 2021. № 3 (69). С. 26–43.

- Зайцев 2022 – *Зайцев А.В.* Славянское движение во внешней политике СССР и стран Центральной и Юго-Восточной Европы в 1941–1953 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2022. 19 с.
- Исламов 1996 – *Исламов Т.М.* Изучение новой истории стран Средней Европы в Институте славяноведения и балканистики РАН // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 19–39.
- Павленко 1998 – *Павленко О.В.* Панславизм // Славяноведение. 1998. № 6. С. 43–60.
- Павленко 2023 – *Павленко О.В.* Панславизм: реальный и воображаемый, 1830–1860-е гг. М.: РГГУ, 2023. 404 с.
- Романенко 1998 – *Романенко С.А.* Югославизм // Славяноведение. М., 1998. № 5. С. 10–17.
- Романенко 2002 – *Романенко С.А.* Югославия, Россия и «славянская идея»: вторая половина XIX – начало XXI в. М., 2002. 623 с.
- Фрейдзон 1979 – *Фрейдзон В.И.* Представления и идеи славянской общности в первой половине XIX в. // Вопросы истории. 1979. № 9. С. 61–78.
- Bakke 2004 – *Bakke E.* The making of Czechoslovakism in the First Czechoslovak Republic // *Loyalitäten in der Tschechoslowakischen Republik, 1918–1938: Politische, nationale und kulturelle Zugehörigkeiten* / ed. by M. Wessel. München: R. Oldenbourg, 2004. S. 23–44.
- Benedejčič 2021 – *Benedejčič A.* Rusija in slovanstvo: med velikodržavnostjo in vzajemnostjo, Ljubljana, 2021. 551 s.
- Waltz 1979 – *Waltz K.N.* Theory of international politics. N.Y.: McGraw-Hill, 1979. 251 p.

References

- Bakke, E. (2004), “The making of Czechoslovakism in the First Czechoslovak Republic”, in Wessel, M., ed., *Loyalitäten in der Tschechoslowakischen Republik, 1918–1938: Politische, nationale und kulturelle Zugehörigkeiten*, R. Oldenbourg, München, Germany, SS. 23–44.
- Benedejčič, A. (2021), *Rusija in slovanstvo: med velikodržavnostjo in vzajemnostjo*, Ljubljana, Slovenia.
- Dostal', M.Yu. (2000), “ ‘New Slavic Movement’ in the USSR and the All-Slavic Committee during the Great Patriotic War”, in *Slavyanskiĭ al'manakh – 1999* [Slavic Almanac – 1999], Indrik, Moscow, Russia, pp. 175–188.
- Freidzon, V.I. (1979), “Representations and ideas of the Slavic community in the 1st half of the 19th century”, *Voprosy istorii*, no. 9, pp. 61–78.
- Islamov, T.M. (1996), “Study of new history of Central European countries at the Institute of Slavic and Balkan studies of the Russian Academy of Sciences”, *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 5, pp. 19–39.
- Pavlenko, O.V. (1998), “Panslavism”, *Slavyanovedenie*, no. 6, pp. 43–60.

- Pavlenko, O.V. (2023), *Panslavizm: real'nyi i voobrazhaemyi, 1830–1860-e gg.* [Panslavism. Real and Imaginary. 1830–1860], RGGU, Moscow, Russia.
- Romanenko, S.A. (1998), “Yugoslavism”, *Slavyanovedenie*, no. 5, pp. 10–17.
- Romanenko, S.A. (2002), *Yugoslaviya, Rossiya i “slavyanskaya ideya”: vtoraya polovina XIX – nachalo XXI v.* [Yugoslavia, Russia and the “Slavic Idea”], Moscow, Russia.
- Volkov, V.K. (2005), “The Slavic idea and Russian national self-consciousness”, in *Mezhr regional'naya konferentsiya slavistov. Rossiiskoe slavyanovedenie v nachale XXI veka: zadachi i perspektivy razvitiya: Materialy Vserossiiskogo soveshchaniya slavistov (23–24 oktyabrya 2003 g.)* [The Interregional Conference of Slavists. Russian Slavic Studies in the Beginning of the 21st century: Tasks and prospects of development: Proceedings of the All-Russian Meeting of Slavists (23–24 Oct. 2003)], Institut slavyanovedeniya RAN, Moscow, Russia.
- Waltz, K.N. (1979), *Theory of international politics*, McGraw-Hill, New York, USA.
- Zaitsev, A.V. (2020), “The American Slav Congress: One of the USSR's allies in the struggle for peace during the Cold War (1946–1951)”, *The New Historical Bulletin*, vol. 65, no. 3, pp. 98–110.
- Zaitsev, A.V. (2021), “The Soviet-Yugoslav Conflict and its consequences for organizations of Slavic emigrants (1948–1956)”, *The New Historical Bulletin*, vol. 69, no. 3, pp. 26–43.
- Zaitsev, A.V. (2022), *Slavyanskoe dvizhenie vo vneshnei politike SSSR i stran Tsentral'noi i Yugo-Vostochnoi Evropy v 1941–1953 gg.* [The Slavic Movement in the foreign policy of the USSR and the countries of Central and South-Eastern Europe in 1941–1953], Abstract of Ph.D. dissertation, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Роман А. Клочков, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ketridze@mail.ru

Information about the author

Roman A. Klochkov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; ketridze@mail.ru